

АЭРОПОРТ. УТРО

Как все-таки однобоко людское представление об устройстве Божьего мира! Раз Африка, значит, обязательно должно быть жарко. А вот, не угодно ли, африканский предрассветный холод. Юноша с бледным порочным лицом, служащий аэропорта Йоханнесбурга, одиноко скучает за стойкой своей авиакомпания, кутается в форменное пальто, поглаживает себя по плечам. Он бесстрастным взором оглядывает надоевшую, вечно куда-то движущуюся космополитичную толпу. На долю секунды, лишь на долю секунды его внимание привлекает попрыгивающий, как воробей, странный субъект в легкомысленно-московской футболочке («Как раз для августа и Африки!»). Равнодушно-электрическая исполинская кубатура зала вылетов постепенно блекнет, а небо, напротив, начинает сереть, сравнившись по цвету с глазами человека у стойки. Почему-то хочется узнать, что за мысли бродят в его светловолосой кудрявой голове, какая музыка звучит в его украшенных серьгами ушах. Но догадаться об этом невозможно, ибо его отсутствующее лицо выражает единственное желание: поскорее сдать смену и забыться сном. Небо над Йоханнесбургом гораздо понятнее и ближе: оно румянится, розовеет, просыпается к жизни. Становятся видны очертания расположенных неподалеку от летного поля деревьев. Что за деревья — разобрать невозможно, понятно лишь, что среди клубящихся лиственных крон зазубренной пилой выделяется вершина какого-то хвойного растения. «Вот... Оказывается, в Африке есть и хвойные», — отмечаешь ты про себя, заранее догадываясь, что эта информация никогда не пригодится тебе в жизни. Но сейчас измученному бессонницей, озябшему мозгу сделанное открытие кажется чрезвычайно важным. Так всегда: чужому для всех, никому не интересному транзитному пассажиру значительным представляется то, что никого больше не занимает.

ДОЖДЬ НАД МАПУТУ

Теплый африканский дождь накрыл Мапуту. Стоявшую в воздухе влагу даже дождинками нельзя было назвать, настолько незаметны,

почти невоспринимаемы они были. Чудилось, что на город наложили дымчато-позрачную, волгую, глянцевою кальку, дабы скопировать силуэты многоэтажек, пальм и вилл, а затем перенести контур заэкваторного города куда-то, где его беззаботный вид кого-то утешит или порадует. Перенести в какое-то неведомое место. Может быть, на другую планету, где люди могут быть счастливы?

ПАЛЬМЫ

Какое, однако же, это увлекательное занятие — наблюдать за тем, как колышутся на ветру пальмовые ветви! К концу дня, когда жидкое золото настоится в прозрачной лазури неба и превратится в тягучий солнечный напиток, нижние ветки пальм пьяно качаются, словно бессильные зелено-желтые крылья обреченных птиц. Зато верхние молоденькие веточки поворачивают полоски листьев перпендикулярно земле, чтобы не дать немилосердному светилу сжечь их сочную юность. В знойный предзакатный час лишь пожилые нижние ветви проявляют желание дать земле немного тени: они готовятся оставить наш мир, и им хочется задержаться в нем подольше, пусть даже бледной сенью воспоминаний, пусть даже мимолетной благодарностью в душе невольника-прохожего, принужденного тащиться по делам в такую жару. Верхние же ветки озабочены лишь самосохранением. Они своим шелестом и движениями приветствуют приход ветерка: «Да, да! Мы заждались тебя! Освежи хотя бы единым порывом застой нашего существования!»

Сначала следишь за смятием пальмовой листвы, доверчиво развернувшейся к тебе всей плоскостью, рассеянно, как за живым флюгером, показывающим направление и силу нерешительного ветра. Но постепенно изумрудные штрихи верхних веток складываются в узоры, а узоры — в ожившие рисунки. Оказывается, в кронах пальм поселились стада лошадей! Их продолговатые морды тянутся в разные стороны, ища небесного корма. Их шеи украшены ниспадающими гривами, а лбы — с вызовом вскинутыми чубчиками. Нет, это не хаотично колышущиеся при движении атмосферного воздуха отростки деревьев! Это наделенные инстинктом (а может быть и разумом!) существа. Они плавно поводят выями вслед налетевшему дуновению, они неторопливо кивают зефиру, как старому знакомому, они грациозно потряхивают гривами, отгоняя невидимых насекомых, они даже пытаются стронуться с места... А вот встревожено закинули головы, слышно их настороженное шуршащее ржание. Табун беспокойных зеленых зебр в десятке метров над землей.